

ЛИТЕРАТУРНАЯ
Орган правления
Союза писателей СССР
ГАЗЕТАГод издания 32-й
№ 138 (4263)
Суббота,
19
ноября
1960 г.

Цена 40 коп.

ПАМЯТЬ О НЕМ НЕТЛЕННА

УВАЖАЕМЫЙ товарищ редактор!

Вы просили меня написать несколько строк по случаю пятидесятилетия со дня смерти Льва Толстого. В связи с этим я хотел бы рассказать об одном необычном случае, как я стал учеником великого русского писателя. Это может показаться странным, не так ли? Тем не менее это чистая правда. Вот как это было.

Летом первой мировой войны я работал в Париже фотографом-ретушеров. Ежедневно я ходил в мастерскую, и каждый вечер присутствовал на парижских собраниях или на рабочих митингах. В конце рабочего дня я прочитывал несколько страниц из романа, чтобы обогатить свои знания французского языка и немного развлечься. Как-то один из моих товарищей по работе дал мне небольшую повесть Толстого. Я забыл название повести — ведь с того времени прошло уже почти сорок лет. Однако я все же помню основное содержание этой повести, которое сводится примерно к следующему:

У молодого русского офицера-аристократа была очень красивая невеста. Естественно, они любили друг друга. Однажды, на балу, молодая невеста была представлена царю. Царь воспылал к ней безумной страстью и сделал ее своей любовницей. Молодой офицер глубоко страдал. С одной стороны, его мучила любовь к своей невесте, с другой, слепая преданность повелению царю. В конце концов он покинул Санкт-Петербург и уехал в глухой район, чтобы больше не видеть ни царя, ни своей возлюбленной.

Вывод: осуждение феодальной морали.

Стиль Толстого был настолько прост, ясен и понятен, что он увлек меня. Охваченный юношеским порывом, я соскочил с постели, хотя в ту зиму было очень холодно, и особенно холодно в моей нетопленной комнате в гостинице. Я произнес вслух: «Совсем не так уж трудно написать небольшую повесть. Я тоже могу писать!».

ХО ШИ МИН,
президент Демократической
Республики ВьетнамУ нас во Вьетнаме
есть пословица: «Глу-
хим не страшен
гром пушки». Это
относилось непо-
средственно ко мне. На следующее
утро я начал писать. Это было довольно
трудно. Каждый день я должен был
писать с 5 до 6 часов 30 минут утра,
так как в 7 часов мне нужно было
быть а мастерской. Часто мои паль-
цы коготили от холода. После недели
упорной работы я закончил свой
труд. Я отнес его в редакцию газе-
ты «Юманите» и сказал товарищам из
литературного отдела: «Редакция: я
был бы рад, если бы смогли на-
печатать это; независимо от того, на-
печатаете вы или нет, я прошу вас
исправить ошибки во французском
языке...»Товарищи охотно приняли мою ру-
копись, прежде всего исходя из дру-
жеских чувств ко мне, так как они
все знали меня, а может быть, еще из
некоторого любопытства, поскольку я
был первым вьетнамским рабочим, ко-
торый попытается написать очерки на
французском языке.Представьте себе мою радость, ког-
да несколько дней спустя, открыв ут-
реннюю газету, я увидел, что мой
очерк, мой драгоценный очерк был
напечатан. Моя радость была еще бо-
лее сильной, когда редакция «Юма-
ните» прислала мне 50 франков гонора-
ра. 50 франков! Этой суммы мне
было достаточно, чтобы прожить 10
дней, не работая; это время я мог це-
лыми днями рыться в книгах в библи-
отеке. Какое счастье!В своем очерке я рассказывал о том,
что видел, слышал и пережил в своем
квартиле — крайне бедном квартале
рабочих и безработных в очень бога-
том Париже. Первый успех вдохновил
меня на написание статей о преступ-
лениях французского правительства
во Вьетнаме и других колониях.Скажите, уважаемый редактор, имею
ли я право сказать, что я скромный
ученик великого писателя Льва Тол-
стого!Братский привет Вам и Вашим чи-
тателям.Джавахарлал НЕРУ,
премьер-министр ИндииЛЕВ ТОЛСТОЙ принадлежит к числу тех европей-
ских писателей, чьи имя и произведения пользуют-
ся в Индии, пожалуй, наибольшей известностью. Объяс-
няется это не только высокими достоинствами произведе-
ний Толстого, но и духовным сродством между ним и на-
шим руководителем Махатмой Ганди, который горячо вос-
хищался Толстым и находился под его влиянием в период
своего формирования как личности.Поэтому я рад воздать должное этому великому русско-
му писателю и выразить уважение к его памяти в связи
с 50-летием со дня его смерти. Он относится к числу очень
немногих, избранных писателей мира, чья память нетлен-
на, и, хотя со дня смерти Толстого прошло уже полвека,
его учение и память о нем все еще живут в наших серд-
цах.Урхо КЕККОНЕН,
президент Финляндской РеспубликиЛЕВ ТОЛСТОЙ — один из величайших гениев мировой
литературы. Широкие круги людей во всех странах ми-
ра знают его произведения, в которых он с бесподобным ма-
стерством раскрывает перед нами душу русского народа. Как
послужил в мире, так и в Финляндии Лев Толстой оказал
большое влияние, и его произведения пользуются широкой по-
пулярностью.Особая черта гения Льва Толстого — это его умение со-
читать свой великий художественный талант со своим интере-
сом к истории, обществу и людям. Его глубокое сочувствие
ко всем страдающим и угнетенным вызывает в нас большое
восхищение.Можно вполне обоснованно задать себе вопрос, было ли ког-
да-либо в мире написано другое столь величественное внешне-
ское произведение, как «Война и мир» Льва Толстого, которое
с такой исключительной яркостью показывает значение наро-
дов в простых людях в ходе истории.Трудно сравнивать значение и влияние отдельных писате-
лей друг с другом, но без малейшего преувеличения можно
сказать, что ни один из русских писателей не прожил так глу-
боко в сознание мировой общественности и не имел на нее
такого большого влияния, как Лев Толстой.

Рисунок А. ВАЕНЦАНА

Толстой это целый мир

20 НОЯБРЯ 1960 года по решению
Всемирного Совета Мира народы
всех стран отмечают пятидесяти-
летие со дня смерти Льва Толстого — ве-
ликого художника, мыслителя, человека.Мир чтит память того, кто более полу-
века неотступно и бескомпромиссно, в
большом и малом, в явном и скрытом
находил, обнажал, бичевал любое отсту-
пление от человечности. Когда он понял,
что античеловечны не столько отдель-
ные люди, поступки, взгляды, законы, а
прежде всего — державный механизм кре-
постнической России, все мироустройство,
весь существовавший порядок вещей, тог-
да он громко и безоговорочно заявил о
своем отрицании всего этого мироустро-
ения. Он вобрал в себя безбрежное море
любовного горя, рожденного гномом, не-
справедливостью, нищеты. Это стало его
собственным страданием. «Он сумел с за-
метательной силой передать настроение
широких масс, угнетенных современным
порядком, обрисовать их положение, вы-
разить их стихийное чувство протеста и
негодования», — писал о Толстом Ленин.Подтвердился закон искусства крити-
ческого реализма: художник становится
художником, только вобрав в себя и вы-
разив всю глубинную народную бедность
и народное стремление к свободе. Именно
поэтому отрицавший классовую борьбу,
давший от политики, Лев Толстой стал
зеркалом русской революции. Именно по-
этому «эпоха подготовки революции в од-
ной из стран, призрачных крепостнича-
ми, выступила благодаря гениальному
освещению Толстого, как шаг вперед в
художественном развитии всего челове-
чества».Всего человечества! Власть Толсто-
го не кончается с окончанием его
эпохи. Давно ушло время подготовки пер-
вой русской революции, свершилась сама
революция, а люди и народы вновь и
вновь обращаются к Толстому, ища раз-
решения своих личных и общественных
бед, желая разобраться и понять себя,
свою жизнь, своего ближнего, свое время
и общество.Это естественно. Люди будут идти к
Толстому, чтобы понять, что такое спра-
ведливость, правда, честность, естествен-
ность, чтобы убедиться в разрушитель-
ной власти лжи и животворческой силе
правды, чтобы увидеть, как любовь к
людям делает человека человеком, а от-
решение от людей, какими бы изысканными
ни выглядели индивидуализм, опустошает
и губит. У Толстого они будут учиться
ненависти к любому проявлению раб-
ства, к любой разновидности его, мате-
риальной или духовной — безразлично.
«Возмущительно, когда один человек
может отнять у другого его труд, деньги,
корову, лошадь, может отнять даже его
сына, дочь, — это возмущительно, но на-
сколько возмущительнее то, что может
один человек отнять у другого его душу,
может заставить его сделать то, что губит
его духовное «я»...»Эта сила ненависти, гнева и любви
вела Толстого к самым истокам правды,
заставляла его доискиваться до корней,
до первоисточника всего, что он видел, чем
жил, что вызывало его ненависть или его
восхищение. Он проникнул в самую суть
вещей и в сложнейшее хитросплетение
их взаимосвязей. Он уходил в сокровен-
нейшие глубины человеческого духа и
тут же обнаруживал связь этого, каза-
лось бы, совершенно неповторимого чело-
века со всем миром. Он сумел добраться до
истоков правды, и поэтому его реализм
стал неопровержимым, общечеловече-
ским, общезначимым — стал великим
реализмом. Как понятно ленинское вос-
хищение: «Какая глыба, а? Какой мате-
рий человек! Вот это, батенька, худо-
жник...» Он слышал, как растет трава,
как зарождаются живое, он различал
тлен наступающей смерти и чуть вня-
тый аромат только-только распускаю-
щейся жизни. В чем бы ни проявлялось
существо человека — в его духе, плоти,
разуме, чувстве, — все эти проявления
были в равной степени доступны Тол-
стому, и его гениальное прозрение чув-
ствуется всегда: описывает ли он по-
рочное великопение Элен или мучитель-
ные искания Нехлюдова, социальные уто-
пии Левина или отчаянный восторг На-
таши на охоте.Мир Толстого — поля, люди, весны,
животные, слякоть деревенской дороги,
политический салон, первый поцелуй,
встреча императоров, колокольный звон,
мир — неотъемлемый, без горизонтов. Та-
кой же, как сама личность Толстого. Не-
мыслимо представить себе, сколько мо-
жет вместить в себя один человек.«Он показавшись мне, — вспоминает
Горький Толстого, — сплывшего на берегу
моря, — древним, ожившим камнем, ко-
торый знает все начала и цели, думает
о том — когда и каков будет конец ка-
мени и трав земных, воды морской и че-
ловека и всего мира, от камня до солища.
А море — часть его души, и все вокруг
— от него, из него... как будто это он —
его сосредоточенная воля — призывает
и отталкивает волны, управляет движе-
нием облаков и телями... И вдруг в ка-
ком-то мигуном безумии я почувство-
вал, что — возможно! — встанет он,
взмахнет рукой, и море застынет, осте-
клет, а камни пошевелятся и закричат,
и все вокруг оживет, зашумит, запоет,
и на разные голоса о себе, о нем,
против него... Было на душе и восторжен-
но и жутко, а потом все сплыло в сча-
стливую мысль:«Но сирота я на земле, пока этот че-
ловек есть на ней!»НЕУТОЛНМАЯ жажда правды и
ненасытная любовь к жизни —
вот две главные черты, опреде-
ляющие, как мне кажется, творческую
личность Льва Толстого. Эти черты
не раз вступали в жесточайшую борь-
бу между собой, но они неотделимы
друг от друга. Неотделим Толстой-ху-
дожник от Толстого-мыслителя, от Тол-
стого-проповедника. Противоречие меж-
ду так называемым учением Толстого,
которое претерпело немало изменений
и таит в самом себе множество проти-
воречий, и между образами и картина-
ми, созданными им; поэтичные раз-
мышления о военном искусстве, о фи-
лософии истории, о значении так назы-
ваемых великих людей и т. п. «Анна
Каренина» без моральных исканий Ле-
вина, за которым трудно увидеть са-
мого автора, «Воскресение» без его
публицистических страниц — уже не
были бы «Войной и миром», «Анной
Карениной», «Воскресением».Льва Толстого надо брать в целом,
потому что это был — при всех кри-
чащих своих противоречиях, при всей
сложности — изумительно цель-
ный человек. При этом мне представ-
ляется неоспоримым, что в первую
очередь Толстой был художником.
Именно как художник глядел он на
мир, именно как художник он пытался
объяснить мир и искать путей к его
улучшению. Эстетическое чувство ле-
жит в основе даже его этического учения.У Толстого было несколько стержне-
вых тем, к которым он возвращался на
протяжении всей жизни. Одна из этих
тем, как известно, — противополож-
ность, пропасть, бездна между «просто-
людными», трудящимися людьми и
господами, людьми «светскими» или
такими, которые лезут в «светские».И показательно, что в понимании жи-
зни, во взглядах на нее Толстой очень
рано становится на сторону «просто-
людинов», смотрит на мир глазами
крестьян, солдат, денщиков и т. д. В
самом характере графа заложено бы-
ло что-то «мужицкое», и это «мужиц-
кое» прямо заявляло о себе еще тог-
да, когда он гордился своим аристо-
кратизмом.Нечего говорить, Толстой в юности
был очарован «большим светом», его
блеском, его роскошью и его уютно-
стью. Вспомним хотя бы описание ба-
лов и денщиков в «Войне и мире».Но уже в «Войне и мире» худож-
ник беспристрастно-сатирически краси-
во изображает великосветский салон
Анны Павловны Шерер и таких по-
стоянных посетителей его, как князь
Василий Курагин. Любимец автора
Пьер Безухов и в этом салоне и при
других обстоятельствах, иногда самых
неподходящих, то и дело нарушает
светский этикет, выражает «неприня-
тые» в «хорошем обществе» мысли и
в непринятой там форме, и в конце
концов находит, как ему кажется,
правду не в учении масонов, которым
он одно время увлекался, а в отноше-
ниях с простым солдатом из крестьян
«круглым» Платоном Каратаевым.Очень своеобразен в «Войне и ми-
ре» портрет знаменитого Сперанского.
Сперанский явно не симпатичен Тол-
стому, и он смотрит на него как бы с
двойным презрением: с презрением
аристократа, жившего еще в Толстом,
когда он создавал «Войну и мир», и с
презрением человека, вступившего уже
на путь каратаевской простоты.Кажется, не стоит
доказывать, что в изо-
бражении Наполеона
Толстой в какой-то ме-
ре погрешил не только против исто-
рической, но и против художествен-
ной правды. Но много Наполеона
Толстой не мог нарисовать. И мы, по-
нимаем и принимаем это, готовы согла-
ситься, что плутоватый Лаврушка,
встречающийся на поле боя с Наполео-
ном, значительнее как человек и даже
умнее, чем прославленный полководец.Критика «большого света» и господ-
ствующих классов с точки зрения
«простых людей», начавшаяся у Тол-
стого еще с «Набеге», с «Казанов»,
достигла высочайшего своего развития
в последнем его романе — в «Воскре-
сении». Но в яростном своем отрица-
нии старого мира, в поисках положи-
тельного идеала, таких сложных и му-
чительных, Толстой так и не смог ни-
когда стать толстовцем.В «Анне Карениной»
слаженной стилистикой
эпиграфом «Мне отме-
ние, и аз воздам», Лев
Николаевич выступил как
моралист-проповедник, по-
борник строгих нравствен-
ных устоев, но Примеча-
тельно, каким обаятель-
ным и милым нарисовал
он Стиву Облонского, по-
стоянного нарушителя
этих самых устоев, живое
отрицание толстовской
морали.Мы знаем: Толстой на-
писал «Крейцерову со-
нату», где пришел к полно-
му отрицанию земной
плотской любви. Но на-
казов и до конца про-
никнут аскетизмом
сам Лев Николаевич не
был способен никогда.Меня всегда поража-
ло одно место в «Войне и
мире» — то место, где
Николай возвращается
домой после огромного
проигрыша Долохову с
мыслями о «пуле в лоб»
и, нехотя сначала, слу-
шает пенне Наташи. Пе-
ние это неожиданно по-
трясает его.«Эх, жизнь наша ду-
рачная! — думал Нико-
лай. — Все это, и несча-
стье, и деньги, и Доло-
хов, и злоба, и честь, —
все это вздор... а вот оно
— настоящее...» И. под-
певая в терцию удачно
взятому Наташей «си»,
Николай приходит к со-
вершенно неожиданному
выводу, который Толстой
излагает от себя:«Какие тут проигрыши,
и Долоховы, и честное
слово! Все вздор! Мож-
но зарезать, украсть и
всестань быть счастли-
вым...»

Максим РЫЛЬСКИЙ

Толстого является и тема природы.

Толстовские описания природы всег-
да просты, конкретны, в них с особен-
ной силой проявляется основная черта
художественной манеры Толстого —
стремление и умение найти точнейшее,
выразительнейшее, рельефнейшее сло-
во для обозначения какого-то явления
или определенной вещи. Вот, напри-
мер, описание ранней весны в «Анне
Карениной».«На утро поднявшееся яркое солн-
це быстро съело тонкий ледок, подер-
нувший воды, и весь теплый воздух
задрожал от наполнивших его испаре-
ний ожившей земли. Зазеленела ста-
рая и вылезавшая из-под молодой
травы; надутые почки калины, сморо-
дины и липкой спиртовой березы, и
на обсыпанной золотым цветом лозымогло быть для этого
человека достаточно
просторным!Ведущей темой у
Толстого является и тема природы.Толстовские описания природы всег-
да просты, конкретны, в них с особен-
ной силой проявляется основная черта
художественной манеры Толстого —
стремление и умение найти точнейшее,
выразительнейшее, рельефнейшее сло-
во для обозначения какого-то явления
или определенной вещи. Вот, напри-
мер, описание ранней весны в «Анне
Карениной».«На утро поднявшееся яркое солн-
це быстро съело тонкий ледок, подер-
нувший воды, и весь теплый воздух
задрожал от наполнивших его испаре-
ний ожившей земли. Зазеленела ста-
рая и вылезавшая из-под молодой
травы; надутые почки калины, сморо-
дины и липкой спиртовой березы, и
на обсыпанной золотым цветом лозыне загудела выставленная облетающая
пчела. Залились невидимые жаж-
дони над бархатом зеленым и обле-
деневшим живьем, заплакали чибисы
над налившимися бурой неубрав-
шейся водой низами и болотами, и
высоко пролетели с весенним гоготом
журавли и гуси. Заревела на вы-
гонах обезьяна, только местами еще
не перелинявшая скотина, заиграли
кривоногие лягушки вокруг теряющих
волну блестящих матерей, побежали бы-
строногие ребята по просыхающим с
отпечатками босых ног тропинкам, за-
трещали на пруду веселые голоса баб
с холстами, и застучали по дворам то-
поры мужиков, налаживающих сохи и
бороны. Пришла настоящая весна».Заслуживает внимания, что финаль-
ный аккорд этого восторженного и вме-
сте с тем сдержанного описания прихо-
да весны — это звуки топоров, зву-
ки человеческого труда, Толстой не
(Окончание на 2-й стр.)«Открывая Университет дружбы народов, мы хотим только одного — помочь другим странам в
подготовке высококвалифицированных кадров». В этих словах, произнесенных Н. С. Хрущевым на торжественном открытии единственного в сво-
ем роде учебного заведения, выражены благородные цели Советского государства. Молодые лю-
ди Африки, Азии и Латинской Америки смогут не затрачивая денег на обучение, получить выс-
шее образование, чтобы лучше служить своему народу, своей стране, ее подъему и процветанию.
Сердечные приветствия от имени студентов Университета передаст студент из Нигерии Ла-
смон Адамс Осуеде. Он выразил глубокую благодарность правительству и народу СССР, товарищу
Н. С. Хрущеву, по инициативе которого создан Университет.
На снимке: Н. С. Хрущев отечески обнимает нигерийского студента. Фото М. Траухмана

ПО ВЫСТАВКЕ «ТОЛСТОЙ И НАРОД» В ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ

В этой толпе, которая живет по своим, свойственным ей законам, охает, жестикулирует, смеется, перешептывается, дышит табачным и жужжит тебе в уши (можно толкнуть об заклад, что физически слышащий это жужжание), не сразу заметишь его. Но заметишь, уже не сможешь отвести глаз и в каждой новой толпе будешь раньше всего отыскивать его фигуру.

Когда смотришь на фотографии Толстого с народом, понимаешь, что Толстой оттого переживает страдания народа, из-за своих собственных страданий, что общался с народом с глазу на глаз, без духовных и физических посредников, не доверяя им, ненавидя их. Оттого его всегда находили на этих фотографиях, хотя толпа вовсе не группировалась вокруг него, — она естественна и непринужденна. Но она тяготеет к нему.

Текст А. СВОБОДИНА

Учитель жизни

ВЫ ПОМНИТЕ, как Андрей Болконский ехал в Отрадное, где встретился с Наташей. По дороге, в лесу он увидел исповедника дуба, который своим могучим стволом и крепкими ветвями властвовал над всем вокруг. Лев Толстой представляется мне вот таким же могучим властелином в русской литературе.

Ни один великий писатель прошлого столетия не может сравниться с Толстым по охвату жизни, по охвату материала, по многогранности изображения. В книгах Толстого нам обрисованы все пласты русской общественной жизни. И всюду гений художника выхватывает естественное, типичное, как неминуемый судья, находит правое и виноватого, обличает несправедливость, поднимает честное и героическое, требует от человека самосовершенствования.

Крупнейшие исторические события русской действительности воспроизведены Толстым с уникальной пластической мощью, высокой магией искусства такого, что, кажется, до героев бурной, давно минувшей эпохи можно дотронуться рукой... А главное — в этом эпическом развороте событий прочувственная мысль и острый глаз писателя успевают выделить самую многоликую душу народа: страсти, стремления, переживания, предрассудки, характерные для людей всех сословий и состояний.

Лев Толстой воистину был необыкновенным колоссом, и он остается непревзойденным. Он создает, подобно природе, и во всем — правдиво.

Творчество Толстого глубоко национальное. В то же время благодаря неподражаемому умению до самых сокровенных глубин высветлять человеческую душу он давал уже вышед за рамки национального — стал одним из светочей человечества. Во многом он заблуждался. Но, вопреки своему несовершенному учению непротивления злу, этот чуткий гражданин земли русской «не мог молчать» и часто выступал как критик жизни.

Евгений ЗОРЬЯН

Чуть ли не ежедневно в течение десятков лет сцена в Ясной Поляне. Два старых, уставших человека, думающих над одним и тем же, над человеческим устройством, своей земной судьбой.

Ито здесь учителя, что ученики их нет здесь. Добровольно, по собственным его словам, в его общине с народом жизни не было паузы. Толстой не нуждался ни в записывании перед ним, ни в пьедестале.

Евгений ЗОРЬЯН

РАЗДУМЬЯ ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ

Вера КЕТЛИНСКАЯ

ПЕРВОЕ и на всю жизнь главное влияние — Толстой, обаяние его языка и его спокойной, уверенной простоты. После Толстого стыдно всякое литературное жеманство.

Подпасть под влияние Толстого трудно, труднее — творчески выработать. Воздействие толстовского таланта так мощно, что (помимо главного) толстовская интонация, образ, образы речи нет-нет да и мелькнут в произведениях самых различных, будто бы совсем не в толстовской орбите живущих писателей. Как часто, переключаясь с одного черновика, вычеркивая фразу, слово не потому, что они плохи, а потому, что сквозит твоя собственная речь, пробилась толстовская интонация, толстовский оборот речи. Они прекрасны, а подражать все-таки не стоит. (Март 1930 г.)

В СВОЕЙ книжке о Шопене Франц Лист очень точно определил, что «поэзия существует потому лишь, что находит свою вечную правду в прекраснейших побуждениях человеческого сердца».

Это целиком относится к творениям Толстого. Вспоминаю, как мы впервые читали «Войну и мир». Время-то было какое! Первые годы революции, крайняя коммунистическая нетерпимость, титаническое убеждение в том, что мы, именно мы, дающие разрушение и разрушающие старый мир... Граф, князь, помещик, офицер — самые ругательные слова. Работаем на субботниках по прокладке водопровода, каждый вечер по 3—4 часа, по циркулянту в воде, каждый вздох лопаты ощущаем как удар по своему миру... А позднее, отгореваясь у «буржуинок», — «Война и мир»... Входил в огромную жизнь, волнуясь, радуясь, любя, страдая вместе с Наташей, Пьером, князем Андреем, Петей, Ваской Денисовым... Что за волшебство сделало их близкими и дорогими! Сила искусства! Да, конечно, искусство в том смысле, о котором говорит Лист. Толстой так глубоко проник в самую сущность, в психологию и сердце человека, что читатель при всей конкретности чуждой ему среды ощущал бытие сердца, метания духа и поиски правды, живую ткань человеческих отношений и что-то узнавал, находил отклик на свое собственное...

У Толстого каждый человек до конца раскрыт во всех взаимоотношениях со средой и временем, но вместе с тем в нем всегда есть вот эта «вечная правда» в прекраснейших побуждениях человеческого сердца. И поэтому его герои не стареют, воспринимаются каждым поколением свежо и современно. (Апрель 1939 г.)

РАЗДУМЬЕВОЕ о введении в действие героев. Как сразу ввести их в жизнь, характер? Взял начало «Войны и мира» и зачитался на весь день. Как Толстой здорово — эпизод за эпизодом — вводит в роман своих героев! Экспозиция неторопливая, но полная и яркая. И так органично, постепенно перебираешься нити, связывающие одних с другими.

Наша трудность в том, что так на

слова. Под его знаком

своем большинстве откликались и на раздумья, и на споры героев, делают выписки, пишут автору письма по поводу понравившихся или спорных мыслей. Да и как может быть иначе? Если роман и люди, его населяющие, интересны и близки читателю, он с увлечением воспринимает и чувства, и мысли. А без этого и эпоху с ее отличиями не покажешь, и героя не заметишь. Вот ведь Толстой не побоялся начать роман с большого политического разговора в светской гостиной. Его Левин, Пьер, князь Андрей много думают, ищут ответа на мучающие вопросы, свободно рассуждают о том, что их занимает. При первом чтении некоторые читатели, особенно юные, прочитавшие такие страницы «по диагонали». Ну, и что ж, пусть! Позднее они читают и в эти страницы и находят в них новые черты к портрету героя и к портрету эпохи. Толстой не боялся показаться скучным и чересчур заботливым критикам и чересчур бездумным читателям. Надо учиться у Толстого бесстрашно исследовать жизни. (Ноябрь 1960 г.)

ТОЛСТОЙ учит нас естественности. Нельзя пытаться писать так, как оно признано лучшим, или даже так, как тебе нравится (у другого писателя), нужно писать так, как тебе свойственно, как тебе пишется, — потому что именно так ты видишь и воспринимаешь жизнь.

К Толстому можно отнести все наши ходячие критические упрёки в «рыхлости композиции», «длинноте», «перенасыщенности» и т. п. С точки зрения литературного чистоплюя все это у Толстого действительно есть. А с точки зрения полнокровного искусства Толстой достигает наивысшего — в его романах ощущается такое естественное течение жизни, люди так органично живут в своей среде и эпохе, что читателю нет никакой дилы ни до

ИСЦЕЛЯЮЩЕЕ ИСКУССТВО

ПОМНЮ, меня остановила такая картина зарубежного художника на одной выставке. Маленький, нежно ласкающий... Искусство дохнуло, а погубило друга. Ласкает не из жалости, не в порыве сострадания, а из патологической любви к труду, к смерти. Приторно розовые тона, в самом колорите сладкий запах разложения.

Американский фильм «Гневное око», снятый не без таланта, со страстью, негодованием в течение двух с лишним часов напористо старается вызвать в зрителе чувство гадливости. Адрес, куда направляется это чувство, широк и безлик — вообще человек, до животного, которое ест, пьет, занимается любовными утехами. Очевидное бессилие в разрешении противоречий в рамках капиталистического общества, бурные научные открытия, осколившие, а временами и нарушившие привычные взгляды на мир, страх, вызванный оружейным часосовым уничтожением, плюс постоянная угроза войны — все вызывает растерянность, потерю целестремленности, улагод

сил, острое беспокойство. И как отзвук этого извращенного, психически ненормального направления в искусстве, именно теперь для любого, кто практикуется пытаясь стать на сторону искусства гуманистического и оптимистического, творчество Л. Н. Толстого является величайшей опорой, вечным примером здорового, исцеляющего искусства.

Несколько раз мне приходилось слышать, что «здоровье» в искусстве неизбежно приводит к оглушению, к примитивизму. Только люди с воспаленной совестью, с повышенным до болезненности восприятием мира могут стать истинными художниками. Как пример, обычно приводят Достоевского с его болезненными изломами и умалчивают о Толстом, хотя совесть последнего с прибавлением зипита «больная» тоже стала нарицательной.

Можно согласиться, что без «больной» совести, остро воспринимчивой ко всякой несправедливости, не бывает значительного писателя. Но «больная» совесть — не признак душевной болезни. И все великое творчество Толстого — яркий пример тому.

Янка БРЫЛЬ

Минск

ПРОСТО — СПАСИБО!

«ЕСЛИ бы он был рыбой, то плавал бы, конечно, только в океане...» Вспоминаю эти по-горьковски меткие слова, невольно представляешь тот необъятный, необозримый океан русской и вообще человеческой жизни, который сумел отобразить в своих произведениях всего лишь один человек, один писатель — Толстой. До самой смерти не успевая мы им начитаться, не успевая — в который раз! — перечитывать его, ибо именно он принадлежит к числу тех писателей, которых невозможно прочесть сразу, а надо и, главное, хочется перечитывать бесконечно.

Во всем его огромнейшем литературном наследстве — начиная с «Детства» и кончая последними произведениями — всегда таится секрет его обаяния — его притягательные силы — живая жизнь, кровная связь с которой питала гений Толстого.

«Герой», которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правдив.

Это сказано в юности. И, завершая свой великий путь, он мог с полным правом повторить эти слова.

Неугасимый факел правды, загорающийся от пламенного сердца Радиевского, Толстой принял от Пушкина и Гоголя, нес его над родной землей и всей планетой вместе с Чернышевским и Герценом, с Тургеневым и Щедриным, с Короленко и Чеховым и, вложив его в руки Горького, передал нам.

Правдой, служением правде жизни и мы, живя наша многонациональная советская литература, благодаря этому она законно гордится именем передовой литературы мира.

Толстой был прост, и в этом его несравненное могущество. «Все усилия художника должны быть направлены на то, чтобы быть понятным всем», — писал он, этот, по Горькому, «последний и действительный аристократ русской литературы», этот барин, о котором еще Чернышевский сказал, что в бедной крестьянской избе, и в походной солдатской палатке он чувствует себя дома, этот граф, до которого по словам Ленина, в литературе не было подлинного мужика.

Простота Толстого, органически вытекающая из глубокого, искреннего желания служить правде, облизывала его к предельной точности слова. Не говоря уже о великодушном знании «диалектики души», Толстой к природе знал так, как не знал и, пожалуй, не знает ее ни один в мире писатель. «Как ни странно это сказать», — писал Лев Николаевич, — а художество требует еще гораздо больше точности, чем наука.

Совсем нетрудно привести большое и очень большое количество доказательств этой чудной, удивительной толстовской простоты. Вполне достаточно взять ка-

Великий художник

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

только теоретически видел основу человеческой жизни и счастья в труде, но и любил работу, физическую работу, любую работу, у которого через край переливается здоровье. И, конечно, знаменитый понос Левина с крестьянами никак не был господским капризом, а проявлением его здоровья, а следовательно, трудолюбивой натурой.

Толстовские описания природы далеки от буйного гиперболизма Гоголя, от загроможденности красивых — действительно красивых! — пейзажей Тургенева. Они трезвы и просты, чуть ли не до протоколизма. И вместе с тем в них выражается необыкновенная наблюдательность художника, который он наградил и любимых своих героев.

Левин стоит на тяге.

«В промежутках совершенной тишины слышен был шорох пропавших листьев, шевелившихся от таяния земли и от роста трав.

«Каково! Слышно и видно, как трава растет!» сказал себе Левин, заметив дивиншийся грифельный цвет мокрый основной лист подле иголки молодой травы».

Из наших русских современников наиболее близкими Толстому манерой описания и беспощадной правдивостью кажутся мне Шолохов и Фадеев.

Я коснулся лишь нескольких черт небезразличного художественного гения Толстого. Возможно, даже, наверное, кое в чем я повторил своих предшественников, кое-чем, возможно, и вызову возмущения. Я сознательно не говорю о том, что мы называем психологическим анализом и что тоже неизмеримо сильно было у автора «Войны и мира». Ведь о снах, полусах, полусозна-

ельном состоянии человека, о предсмертной тревоге старого князя Болконского, об Андрее Болконском на поле боя, о детском сне Фру-Фру Болконского, о Вронском и Фру-Фру, о встрече Каренина и Вронского у тяжело больного после родов Анны и прое страшно трогательный бред прое эти и множество других вещей говорится не раз, и умно, тонко говорится.

Замечено и то, что в своем анализе душевных состояний Толстой не удовлетворяется человеком, а выкидает и в «душу» животных — Фру-Фру, Ласку, Холстомера... Пусть это будет антропоморфизмом, пусть это противоречит соображениям зоологов, но я не могу не верить, когда Толстой пишет об охотничьей собаке Ласке, который испугался в болоте лошади и которая ждала, чтоб хозяин, Левин, послал ее на поиски в болоте:

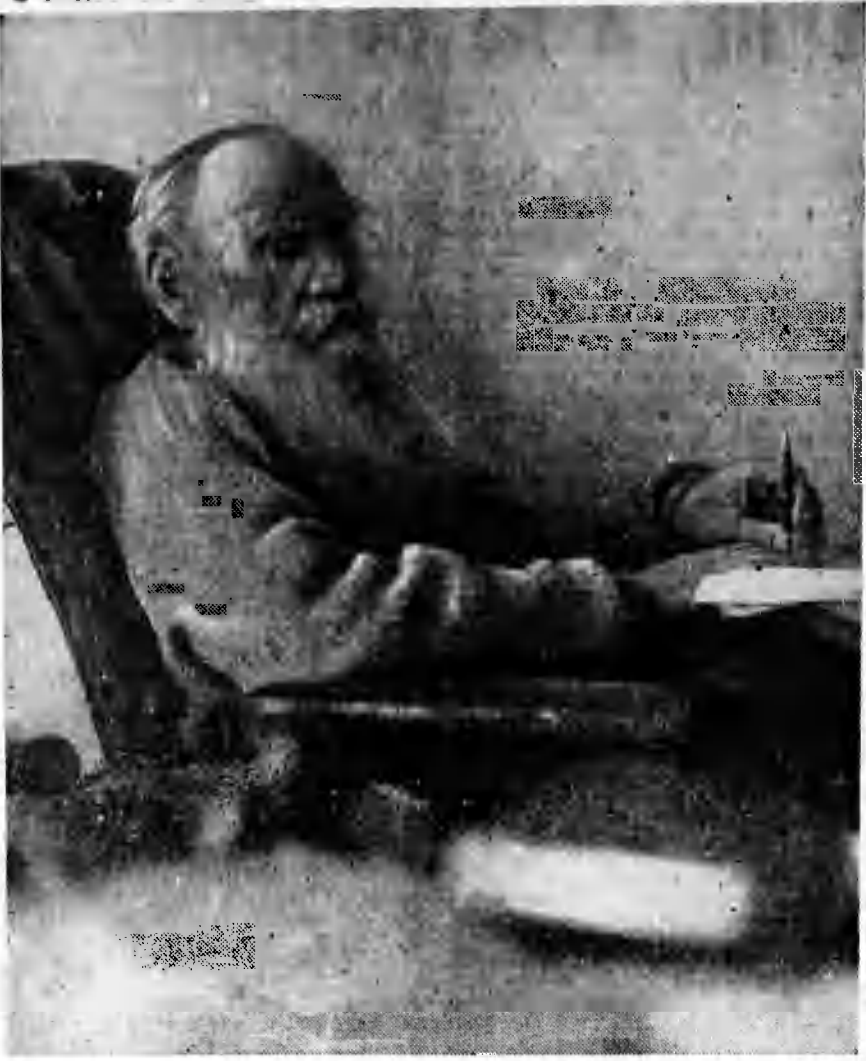
«Ласка остановилась, настороженно посмотрев на лошадей и вопросительно на Левина».

Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что без Ласки и Холстомера не имела бы русская литература ни «Каштанки» и «Беломурда» Чехова, ни купринского «Беломурда».

Толстовский способ изображать вещи, его эпипетия и образы, метафоры, его сравнения, такие выражения, как граф (на охоте) забыл достать улыбку с лица, такие черты письма, как «такое утро, лучше которого ничего не могло быть для охоты: как будто небо таяло и без ветра спускалось на землю», — неповторимы, они принадлежат только ему. Но у него учились и учатся художники

Бунин. Бунин обычно сравнивает с Горьким, с которым у него не было почти ничего общего, и с Чеховым, с которым общие черты можно найти столько же, сколько и противоположных. Но попробуйте прочитать толстовского «Дьявола» и бунинского «Митину любовь». Вы увидите, что не только тематика, мотивы, но и приемами описывать предметы эти два писателя, которых нельзя, конечно, сравнивать в отношении их высоты и глубины, очень близки меж собой.

Лев Толстой — гениальный писатель мирового значения. Он был чужд национальной ограниченности, яркие доказательства чего можно найти и в «Войне и мире», и в «Хаджи-Мурате», проникнув в глубокое сочувствием к свободному кавказскому горцам, и в рассказе из времен польского восстания 1830 года — «За что?», и в рассказе «Лощерин». «Альберт», и в высказываниях Толстого об украинском народе, о его неснях, засвидетельствованных современниками. Но, разумеется, Толстой — глубоко национальный художник, русский, так сказать, из русских. То могучее, гигантское дерево, которое мы называем творчеством Толстого и которое раскинуло свои ветви на весь мир, могло вырасти и выросло на русской земле, в родной писателю деревне, которая носит такое прекрасное название — Ясная Поляна. И взоры всего мыслящего человечества благоговейно обращены ныне в сторону Ясной Поляны, с которой связан почти вся жизнь, связано почти все творчество Льва Толстого — и связан трагический его уход из родного дома, завершившийся уходом из жизни...

В маленьком музейном зале поднимается дух великого противления, клокочет его немой гнев, как узорчатая ткань. Толстой, как и народная судьба. Он смотрит на нас с гигантской фотографией, занавешенной полостью. Он смотрит жестоко, зло, не прощительно. Только что ступил тыльной стороной карандаша по столу, и карандаш застыл в его руке остро отточенным концом вверх.

«Я — человек, отрицающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом».

Начну с категорического утверждения: Толстой — величайший из романистов, а «Война и мир» — лучший из написанных по сей день романов. Среди английских литературоведов и писателей эта точка зрения является общепризнанной. Вот уже лет пятьдесят. Для людей моего поколения это всегда было непреложной истиной. Читая романы Толстого в переводе, мы знаем их почти так же хорошо, как и вы. С понятным вам волнением входя в здание Союза советских писателей, мы вспоминали о том, как готовилась Наташа к своему первому балу. Мы с женой специально решали путешествие из Москвы в Ленинград поездом, а не самолетом, так как именно этой дорогой ехала Анна Каренина.

Полобные литературные ассоциации окружали нас со всех сторон, и даже сейчас, когда я быстро пошел на работу, вы сами хорошо знаете, а нас они волновали, как волнует запах дыма от сжигаемой лисы в саду, вызывая воспоминания детства. С Москвой и Ленинградом у нас связано столько литературных ассоциаций, навешенных творчеством не только одного Толстого, но и других великих писателей, что нам трудно увидеть эти города по-новому. Такая же история получается и с романами Толстого. Я уже писал в Институте мировой литературы о том, что, по моему глубокому убеждению, эти великие произведения не имеют себе равных. Но высказав это убеждение, я никак не могу приступить к критическому разбору творчества Толстого или сказать о нем хотя бы что-нибудь новое.

Писать о Толстом труднее, чем о любом другом русском или английском великом прозаике. Может быть, в общей структуре и в художественных деталях его творения кроется что-то такое, что делает их недоступными критическому разбору в обычном понимании? Однако это слабая отговорка. На самом деле я, признаюсь, не знаю, что сказать. Если бы я писал книгу о романах Толстого, я мог бы с точностью сообщить, когда и при каких обстоятельствах я впервые прочел их, сколько раз перечитывал и какое влияние они оказали на меня. Но что касается серьезного критического исследования, то я просто не знаю бы, с чего начать.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ РОМАНИСТОВ

Потому я не стану утомлять ваше внимание повторением о Толстом истины, которые вы, вероятно, слышали уже тысячу раз, и напишу в нескольких словах о том, как относится к Толстому на Западе, в надежде, что кое-что из этих заметок будет вам в новинку.

В начале статьи я говорил, что англичане считают Толстого величайшим из романистов. Это так и есть. Но мне кажется, что впервые Толстой по-настоящему затронул сердца англичан — а не только литературные вкусы — во время войны. Между 1941 и 1945 годами в Англии (с населением примерно в 50 миллионов жителей) было продано около 500 тысяч экземпляров романа «Война и мир». Этот роман стал достоянием людей, которые обычно не читают романов или вообще любой серьезной литературы. Помню, как-то в годы войны я присутствовал на заседании одного из созданных тогда комитетов. Рядом со мной сидел старший офицер военно-воздушных сил, человек приятный и простой. Я не представляла себе, чтобы он мог пуститься в дискуссию на литературные темы, и поэтому немало удивился, когда он половину ко мне клочок бумаги, на котором было написано: «Ваше мнение о «Войне и мире»? Я лаконично ответил: «Лучший из романов», на что он откликнулся с несомненной гордостью: «Безусловно, самый лучший роман из всех, которые я читал». Но тут я должен разочаровать вас: в действительности его слова не были таким уж большим комплиментом. Как я выяснила позднее, помимо «Войны и мира», он читал всего лишь один роман — какой-то неизвестный исторический роман из английской жизни, о котором я ничего не слышала.

Но сам факт, что он, а также многие тысячи похожих на него людей прочли роман Толстого, было весьма отрадой. Ведь это означало, что война, которую вы вели на просторах вашей земли, война, намного превосходившая по своему размаху войну, описанную Толстым, нашла глубокий отклик в сердцах англичан. Они сознавали тогда — да и сейчас сознают, — что знала эта война. Приходит мне на память и другая реплика моего офицера военно-воздушных сил, человека, как я уже говорила, славного и беспритворного. В ответ на мой вопрос, что произвело на него наибольшее впечатление в «Войне и мире», он сказал: «Знаете, чувствуешь, что Россия ужасно простояла страна». Любопытно, что в этих бесцельных словах он выразил основное, на мой взгляд, впечатление, которое производит Толстой на большинство английских читателей и которое не совпало ни с чем в литературе нашей страны. Я вовсе не собираюсь умалять значение английской литературы. Надеюсь, вы не заподозрите меня в шовинизме, если я скажу, что, по моему убеждению, наша литература и наша культура, пока что, лучше в мире. Но небольшие размеры нашей страны наложили отпечаток на английскую литературу. Наши писатели часто и с большим мастерством использовали в своем творчестве тот факт, что мы живем скучно. У нас зародилась литература города и литературы густонаселенной местности. Всей английской литературе свойственно стремление вырваться из закрытых помещений. Русская литература в этом отношении — прямая противоположность нашей. Почти во всех произведениях русской литературы, и прежде всего Толстого, английский читатель ощущает дыхание необъятных пространств, бескрайних русских равнин. Интересно, а вы, читая книги наших писателей, тоже ощущаете ветер с призывных просторов или же для вас это что-то привычное?

В заключение я хотел бы задать два вопроса. Как много людей из тех, кто, нам приходится читать романы Толстого в переводе? Ведь мы все знаем, насколько обидно, к нашему великому сожалению, переводит Пушкина.

Его личная история будет состоять в том, что Толстой, молодой, сильный, умного человека, не любил женщину, которую он полюбил, так как он чувствовал, как ли это было с Толстым и что там было. Но мы не можем. Мы не можем знать, что случилось с Олениным, почему Толстой понаблюдил, показав Оленина в несчастной любви.

Оленин молод и счастлив этим. Но мир, в котором он живет, не признает его. Для того чтобы жить в этом мире, надо не видеть этот мир, — так думает Оленин, так думает Толстой.

Юнкер, поспешно выехавший из России, брошенный неустойчивыми свои дела, приезжает в казачью станицу. Он молод, полон сил, уже написал замечательную вещь, хотя еще и не знает, что он написал; работает, как ученик, записывая и переписывая сведения, занимается самообразованием и понимает, что знает мало. Как будто бы любовной неудачи у молодого человека нет. Были женщины. Были мелкие обиды. Было и предвещание удач. Он знает старую литературу, помнит Руссо. Конечно, помнит «Цыган» Пушкина, знает Алену из «Цыган» и то, как Алену оказался убийцей, потому что в таборе была иная нравственность, чем дома у Алены: цыгане не наказывали Алену, а изгоняли его, оставили его телу, как бросят стая большого журавля. В станице иная нравственность. Женщины могут решать, кого она любит, сама. Она не Татьяна Ларина, которой может Евгений Онегин прочитать нотацию. Она сама берет любимого за уши и говорит ему нотацию, отговариваясь: ты казак, а я девушка, но ты меня слушаешь. Она сама может решить, кого она любит...

Я. Вилинский в книге «О творчестве Л. Н. Толстого» пишет: «Марьяна автор «Казанков» — придуманный автор, аполитический крестьянин Аксинин. Аксинин, в который сам был одним из неравнодушных». Я. Вилинский написал хорошую книгу, но выражение «неравнодушный» кажется мне неудачным. Нельзя, например, сказать, что Ромео был неравнодушен к Джульетте. Это взято из другого ряда. У Толстого с Аксиньей были трагические отношения.

Аксинья, про которую так мелко сказал наш исследователь, занимает много места в дневниках Толстого, причем она описана совершенно с толстовскими поисками будущей жены. Помещик решил жениться, но

огорченно, передает Пушкина перевод его произведений (сейчас как раз перечитываю Пушкина, горько досадуя, что не могу читать его по-английски). Что можно сказать в этом отношении о Толстом?

Второй вопрос: каково ваше мнение о пространном историческом отступлении Толстого в «Войне и мире»? На Западе обычно упоминают о нем с сожалением, так как у нас распространено мнение, что без них книга стала бы более совершенным художественным произведением. Я с этим никак не могу согласиться. Эти отступления, думаю, мне, несут в произведении важную композиционную функцию, роль которой Толстой отлично понимал. Он доверялся тому, чтобы его искусство произвело впечатление полной бесцельности. На самом деле автор «Войны и мира» был, конечно, художником, творчеством которого носило глубоко сознательный характер, и только благодаря его исключительному мастерству эти данные исторические экскурсы создали в читателе такое впечатление, будто книга писалась сама собой. На мой вкус, роман выиграл бы, если бы эти экскурсы были чуть короче и если бы значительно меньше места было уделено увлечению Безухова масонством.

Однако не в этом суть. Если нам доведется когда-нибудь прочитать книгу, написанную нашим современником и имеющую хотя бы половину достоинств «Войны и мира», — какой огромной радостью это будет!

Чарльз П. СНОУ

ЛОНДОН

ОПОРА И ОБРАЗЕЦ

В идеологическом отношении Л. Толстой со своим неприятием «мелкого злу» мне всегда был чужд и непримлем. Так же далеки моему писательскому складу многие его мелкие рассказы, в которых нет того мастерства формы, как в работах Чехова и Мопассана. Но неизгладимое впечатление произвели на меня «Анна Каренина» и «Война и мир», эпический размах которых, без сомнения, нашел отголосок в моих крупных романах. Трудно вообще сказать, что мы заимствуем и чему учимся у мировых писателей. Мы действуем подобно пчелам, пархующим от лепестка к лепестку, и перенимаем то, что органически соответствует нашей природе. Я беру сюда добро где нахожу его», — сказал Мольер, и это совершенно верно...

К этим довольно поверхностным, белым-стрым, выдвигавшимся, дающим хителю, бы присовокупить, по крайней мере столько же из громадной сокровищницы литературно-теоретических изысканий и художественного опыта, приобретенной при более близком изучении великого русского и мирового писателя латышскими советскими литераторами, в их числе и мной.

Правители «независимой» буржуазной латышской республики употребили все усилия, чтобы отгородить латышскую молодежь от русской культуры, от всего русского. Изгнали русский язык и литературу из учебных заведений; стихоплеты, публицисты, писатели по наказу свыше усердствовали в опорочивании русской литературы, недостойно высоко над ней превозносили зарубежную, западноевропейскую. Выметая в первые послевоенные годы всякий фашистский буржуазный сор из всех углов нашей Советской Родины, нам в самую первую очередь пришлось проветривать и часть неустойчивых, затуманивших людских голов от гойногого мажора и восстанавливать у нас в Латвии исконные права русской литературы, со временной в классической, в качестве опоры и образца для нашего же строящегося советского национального искусства.

Мне лично приходилось принимать довольно близкое участие в деятельности таких организаций и учреждений (некоторые и прямо руководить), как Союз писателей Латвии, Институт языка и литературы, литературный факультет Госу-

СИМВОЛ НАДЕЖДЫ

Толстой занимает одно из первых мест среди величайших мировых литераторов — как среди величайших создателей эпических произведений далекого прошлого, так и среди величайших писателей нового времени: гений Толстого не только означал шаг вперед в художественном развитии всего человечества, как это очень удачно отметил другой великий гений — В. И. Ленин, но также вдохновлял не одно поколение писателей во всех странах мира и в течение целого столетия оказывал на них большое влияние.

В наши дни, когда стало модным разлагать культуру о «кризисе культуры» (а особенно громко об этом говорят на Западе), значение Толстого все возрастает. Как яркий свет, как символ надежды, любви и истины, возмущается он над сном холодного тумана и облаков, которые сгущаются вокруг, сваяв глаза и души нашего молодого поколения, затмевая его разум, чуждаясь натуралистическими идеями и уродуя его чувства. Толстой призывает молодость, изобретать, создавать, пролетарий, империализм и эксплуатация человека человеком. Он призывает ее и истине, любви и красоте, к миру и гуманизму.

С. С. ЧОХАН

ИНДИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

БЛАГОРОДНЫЙ ГУМАНИЗМ

Лев Толстой, его великое искусство, его благородный гуманизм и мужественная общественная позиция с самой ранней моей юности были для меня удивительным и несравнимым примером. Впервые я познакомился с Толстым в зрелом возрасте, посетив дом Толстого в Москве и навсегда сохранив об этом воспоминание.

Вольфганг КЕППЕН

МИЮНХЕН

В ЭТИ ДНИ

Группа зарубежных писателей, прибывшая в Москву по приглашению Союза писателей СССР в связи с 50-летием со дня смерти Л. Н. Толстого, посетила Музей-усадьбу писателя в Москве и Государственный музей Л. Н. Толстого. Гости осмотрели кабинет, личные вещи и некоторые экспонаты, хранящиеся в Музей-усадьбе Льва Николаевича. В Государственном музее Л. Н. Толстого они ознакомились с новой экспозицией, рассказывающей о жизни и творчестве великого писателя, встретились с внуками Льва Николаевича Толстого.

Академии наук СССР и ученые советом музея-усадьбы «Ясная Поляна». Торжественную часть собрания открыл выступивший с докладом член-корреспондент Академии наук СССР, директор Института мировой литературы имени А. М. Горького И. Анисимов. Доклад, посвященный Л. Н. Толстому, сделал доктор филологических наук В. Ермилов.

После торжественной части был показан спектакль «Жизнь трупа» в постановке Тульского драматического театра.

В Государственном музее Л. Н. Толстого состоялся вечер «Они знали Толстого». С воспоминаниями о Льве Николаевиче и встречах с ним выступили народный артист СССР, профессор А. Гольденвейзер, бывший литературный секретарь Толстого, доктор филологических наук, профессор Н. Гусев, внуки писателя С. Толстой, И. Толстой и В. Толстой.

В Тульском драматическом театре прошло собрание, посвященное памяти Толстого. Собрание было организовано Областной комиссией по проведению 50-летия со дня смерти Л. Н. Толстого, ученым советом Института мировой литературы имени А. М. Горького

Торжественную часть собрания открыл выступивший с докладом член-корреспондент Академии наук СССР, директор Института мировой литературы имени А. М. Горького И. Анисимов. Доклад, посвященный Л. Н. Толстому, сделал доктор филологических наук В. Ермилов.

После торжественной части был показан спектакль «Жизнь трупа» в постановке Тульского драматического театра.

В Государственном музее Л. Н. Толстого состоялся вечер «Они знали Толстого». С воспоминаниями о Льве Николаевиче и встречах с ним выступили народный артист СССР, профессор А. Гольденвейзер, бывший литературный секретарь Толстого, доктор филологических наук, профессор Н. Гусев, внуки писателя С. Толстой, И. Толстой и В. Толстой.

НЕ ПО ЕВАНГЕЛИЮ...

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ в 1904 году, как записывает доктор Маковичник в «Яснополянской записке» 31 декабря 1904 года, рассказывал: «Слышал я, — что факт, — что казак, который убежал в горы и абренок стал и убивал казаков, соскучился, пришел в деревню, и дался прямо в руки, и его казнили, повесили, и он твердо, спокойно умер».

Толстой вспоминает конец плана повести «Казанки», записанный очень давно:

«На другой день праздник. Часовая. Урван там, где берут. Оленин сначет в крепость, спасни, отложит. Ничего нельзя. Возвращается: на дороге казнь. Пропадает со всем. Шел из-под борды, жилистые руки, ужасно жгли, бодри. Отворачивается от жены. Она глядит во все глаза на одного его. Звук ударов и спускается на веревках».

По мнению Грузинского, этот вариант был записан в 1857 году. Толстой записал на 48 лет этот случай и рассказал его в преддверии русской революции, рядом с разговорами о крепостных, рядом с разговорами об отношении крестьян к помещикам, — хотя, конечно, Урван и не был крестьянином.

Работа над созданием повести «Казанки» шла у Толстого с 1852 до 1862 года. Небольшая повесть, конечно, с перерывами, создавалась десять лет. В повести взяты крестьяне, не знающие крепостного права, так сказать, в своем нетронутым виде. Это сделано сознательно. Толстой в это время много работает над историей и делает много выписок из книг, относящихся к казанкам и казачеству. Он знал историю, но пытался заменить ее эпическим рассказом о ней.

Возвращение к патриархальному крестьянству невозможно, потому что оно само исчезает.

Ерошка ясен и спокоен, но в то же время он — прошлое, как ни старается приблизить Толстой себя к нему.

Дядя Ерошка вне религии, и это кажется неожиданным, но он убежден, что после того, как померет, то из него вырастет трава, и с ним согласен Оленин.

Бога — религия в первом периоде попытки Толстого соединиться с природой и народом нет. Есть любовное соединение, есть соединение и отождествление себя с природой, но бог как бы вычтается из этого время у Толстого. Интересно отметить, что к этому периоду относится первая статья Толстого на религиозную тему: она была написана в 1855 году, то есть в то время, когда он еще не совсем отказался от идеи докончить «Казанков», дав историю возвращенца Лукашки с гор. Статья о религии

написана, по словам самого Толстого, под влиянием «Опытов» Монтеня.

В статье о религии Толстой пишет: «Круг знаний людских есть редко наизянное ожерелье. Бусы — это наши знания, на которые нам радостно смотреть и которые мы перебираем с гордостью; — черная нитка — это хаос мысли — неизвестность, который нам страшен. Религия с первобытным приемом тряхнет ожерелье, и все бусы вместе; только у ней пол рукой остается в одном месте большая доля черной нитки, на которую мы не должны смотреть, но зато между сдвинутыми бусами — красота, симметрия, и нет промешутка для сомнения. Неверующие более или менее искусно развешивают на равные промежутки бусы, чтобы закрыть нитку, но она видна между каждыми двумя бусами. Зависимые промежуток перед глазами, тем больше он в другой стороне круга».

В эпоху написания «Казанков» Толстой не переживает элементов своего поэтического знания, не переизнашивает бусы.

Безвред Ерошкин — это не только факт, с которым встретился Толстой, но также элемент философии Толстого того времени. Позднее он начинает переживать бусы знания и поэтических впечатлений, но черная нить — религия — парализует его ладонь.

В произведении, которое написал Лев Николаевич, Марьяна отвергает Оленина. Он уезжает разбитый, униженный. Уезжает в мир, который для него весь фальшив. Мир крестьянства для Толстого — мир, в который он влюблен. Морально, этически превосходный мир Оленина. Это более желанный мир. Таково было первое решение Толстого.

ГРЕБЕНСКИЕ казаны, слияние на узкой полосе плодородной земли между Терекон, широким, суровым, выбежавшим из гор и бегущим волна за волной среди плоских степей к Каспию, — здесь, на узкой затопленной рекой полосе, на краю царской России, еще живет крестьянская Атлантида, своеобразное осуществление утопии Толстого: крестьянин без помещика.

Попытка барина войти в этот мир, стать членом общины и неудача этой попытки и составляют содержание повести Толстого.

Ерошка выражает собой психологию общины.

Ерошка выражает собой психологию общины.

Ерошка выражает собой психологию общины.

Ерошка выражает собой психологию общины.

Но мир Ерошкина рассыпается. Казанки судятся из-за садов, богатей. Ерошка и не замечает, что есть батраки, об-

Ерошка выражает собой психологию общины.

Ерошка выражает собой психологию общины.

Ерошка выражает собой психологию общины.